

Лев Толстой

Неверующий

Лев Николаевич Толстой
Неверующий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21119342

Содержание

Лев Николаевич Толстой	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лев Николаевич Толстой

Неверующий

Вечно новым и постоянно возрастающим удивлением и благоговением две вещи наполняют душу, чем чаще и постоянное ими занимается размышление: звездное небо надо мною и закон нравственности во мне.

Кант

В начале 1852 года, когда я жил в Брюсселе, ко мне вошел незнакомый мне молодой человек. Лицо вошедшего было приятное, с искренней улыбкой и таким же искренним и живым взглядом. Одет он был с некоторой изысканностью: на нем был бархатный жилет с резными пуговицами, желтые перчатки, цветок в петлице и тросточка в руке, и видно было много очень белого белья. На вопрос, кто он, он отвечал мне, что он – священник. – Или, скорее, был им, – сказал он. – Я оставил ложное для истинного. Теперь я – то же, что вы: изгнанник. Я попросил изгнанника садиться. – Меня зовут Анатолий Лерэ, – сказал он. Мы разговорились. Он рассказал мне свою жизнь. Оказалось, что он был так воспитан, что он, сам не зная, как и для чего, в 25 лет очутился священником. Это разбудило его. Сновидение продолжительного мистического воспитания рассеялось для него в тот день,

когда он увидел непроходимую стену тьмы, т.е. священства, которая возникла между природой и им. Первая обедня была для него так же тяжела, как последний час жизни; уходя от престола, он показался себе приведением. Он с ужасом смотрел на то, что ожидало его. Ему было 25 лет. Он чувствовал всю силу жизни в своих жилах; вся природа через него требовала себе удовлетворения. А между тем эти требования природы представлялись ему только кипением грехов. Коротко сказать, он не имел призвания и ужаснулся тому, что так поздно понял это. Это борьба священника против того, что было поставлено ему в обязанность, все усиливаясь и усиливаясь, продолжалась в нем несколько лет. Он был строг, верен и честен в исполнении взятых на себя обязанностей. Но кончилось все-таки тем, что, после многих страданий, он вышел из борьбы побежденным, т.е. победителем. Человек восторжествовал над священником. Лерэ отдался молодости, жизни и святой, непреодолимой природе. Это его собственные выражения, когда он толковал мне про это. Он предпочел быть отступником перед Римом, чем лицемером перед своей совестью. Он вышел из священства. Для тех, кто выходит из церкви, есть только одна открытая дверь: демократия. Все склонности Лерэ влекли его к ней. Прежде чем быть духовным лицом, он был дитя народа. Он был родом из бедной британской семьи; так что он вернулся к народу так же естественно, как капля воды возвращается в океан. И ему было хорошо. Он рассказывал мне все это про-

сто, с наивным и сильным красноречием. Его возвращение к народу дало ему зрелость. В нем был политический мыслитель; он писал в нескольких газетах. Это был революционер, горячий и крайний по убеждениям. Рассказав историю своей жизни, он перешел к изложению своих мыслей. Я внимательно слушал. В середине этого изложения его взорвало. – Да, милостивый государь, – вскричал он, – пусть это будет нам уроком. Демократия должна принять меры. Надо переделать человека, обновить народ в детях. Только в воспитании мы покажем логику революции. – Я тоже так думаю, – сказал я. Он оживился еще более. – Для меня, – сказал он, – все воспитание в одном: освободить человеческий ум от всего сверхъестественного. – Что вы понимаете под сверхъестественным? – спросил я. – Я понимаю то, что человек погибает от этих религиозных фантасмагорий. Суеверия душат будущее. До тех пор, покуда народы будут вдыхать в себя ходячий фанатизм, нельзя рассчитывать на человеческий разум. Да! этот старый человеческий разум гибнет под покровами и тонет в священных химерах. Его лодка течет со всех сторон. Будем держаться одной несомненной действительности. Дважды два – четыре: вне этого нет спасения. Надо строить философию только на фактах, не допускать ничего, что не может быть проверено разумом. Действительно только видимое и ощущаемое. Надо, чтобы все верования были в моих десяти пальцах. Да, война, война не на живот, а на смерть со всем чудесным. Надо, чтобы народ верил только в самого

себя. Надо, чтобы он понимал, что в колыбели нет ничего, кроме того, что мы видим, – ничего, кроме зародыша, и в гробу ничего, кроме уничтожения. Прочь все призраки! Нет ничего, кроме земли и жизни. Нет никакого другого неба, кроме того, в котором мы уже живем; наша земля вертится в нем. Надо здраво и ясно рассуждать, и прочь все метания! Кто не хочет плода, подрезает дерево: надо отнять у религии всякий предлог для ее существования. – В чем ваша религия? – спросил я. – Я ведь сказал, что я – воспитанник семинарии. – Ну? – Стало быть, я – атеист. – Я не могу согласиться с таким выводом, – сказал я. – Школы иезуитов не производят непременно Вольтеров. Впрочем, я слушаю вас. Продолжайте. – Кажется, я все сказал, – отвечал он. – Избавиться от гипотез, выйти из тюрьмы химер и помочь человеческому роду избавиться от них – вот что нужно. – Я не более вас охотник до гипотез, которые делаются суевериями, и до тех химер, которые становятся на пути человеческого разуму, – сказал я. – Так что может казаться, что мы с вами думаем одинаково, а между тем едва ли мы согласны. Впрочем, я бы желал, чтобы вы высказали точнее ваше мнение. – Хорошо, – сказал он, – вот оно: полное прекращение того, что спиритуалисты называют идеалом. Идеал – это сверхъестественность, а сверхъестественное должно быть изгнано из мира, значит, и из человека. Сверхъестественное в мире – это Бог, – уничтожим Бога; сверхъестественное в человеке – это душа, следовательно, уничтожим душу; нет ничего ни

вечного, ни бессмертного. И эти истины поставим в основу воспитания. Я кончил. – Нет, вы только что начали, – отвечал я. – По-вашему, что же такое мир? – Одна материя. – А человек? – Одна материя. – Но делаете ли вы различие между такой или иной материей? – Я был бы безумен, если бы я делал это. Материя всегда равна материи. В этом главная основа равенства. – Ну, а организмы? – сказал я. – Организмы – это только виды. И виды эти, неизбежно являющиеся и слепые сами в себе, производят те миражи, которые составляют как бы лестницу, первую ступеньку которой вы называете умом, следующую – совестью, следующую – душой, следующую – Богом. Лестница эта устраивается всеми религиями. Ее-то надо уничтожить. Надо разбить все ее ступеньки: ступеньку Бог, ступеньку душа, ступеньку совесть, ступеньку ум и даже ступеньку организм. Долой организм, если он делается чудесным, если предполагают из различия организмов выводить преимущество одной формы материи над другой! Долой аристократию организмов: виды, которые исчезают, суть не что иное, как изображение ничего. Все делается атомом, атомом неразделимым и несознательным. Атом, который бы был выше других, был бы Бог. Кто говорит: материя, тот говорит: равенство. Материя всегда равна самой себе. Я пристально смотрел на него. – Стало быть, и комар, который летает, и репейник, который растет, и камень, который катится, равны человеку? Он на минутку задумался, но потом с полной честностью, которая казалась сильнее его

воли, ответил: — Хотя силлогизм ваш и жесток, но он верен. — Прямолинейные мыслители редки, — сказал я. — Вы рассуждаете совершенно последовательно с неизменной добросовестностью. Я не хочу злоупотреблять ею и потому отказываюсь от этой жестокости крайнего силлогизма. Будем говорить только о человеке, прилагая к нему ваши аксиомы: нет души, нет Бога, нет сверхъестественного, нет идеала, материя равна самой себе. Я буду говорить только об одной из бесчисленных сторон вопроса. — Я вас слушаю, — сказал он. — Какая, по вашему мнению, — сказал я, — цель жизни человека на земле? — Счастье. — Я же думаю, это — долг, обязанность, — сказал я. — Но дело не в моей мысли, а в вашей. Я отстраняю все сентиментальные рассуждения. На весах равенства материи насколько счастье одного человека превосходит в весе и в ценности счастье другого человека? — На нуль. — Прежде чем пойдем дальше, согласны ли вы с тем, что по логике для каждого поступка нужны непременно определяющие его мотивы? — Несомненно. — Продолжаю. Стало быть, если представляется случай, когда счастьем одного человека должно пожертвовать для счастья другого, — на весах, где будут взвешиваться эти два счастья, какое количества веса определит необходимость или законность жертвы одним для другого? — Нуль. — Следовательно, — сказал я, — наблюдая только материальный факт, в чем, по-вашему, единственная мудрость, человек не имеет никакого повода жертвовать собою, своим благом для блага другого человека? Всякое колебание, каза-

лось, исчезло в его мысли. Он ответил мне спокойно: — Никакого. — И, следовательно, — возразил я, — и никакого повода пожертвовать своим счастьем для счастья человеческого рода? Здесь Лерэ вздрогнул. — Если это касается рода человеческого, то другое дело. — Отчего? — сказал я. — Сумма нулей все-таки всегда будет ноль. Он на минуту замолчал, потом с некоторым усилием согласился со мной. — Истина всегда истина, — сказал он, — вы жестки, но ваш силлогизм верен. Я продолжал: — Я не обсуждаю ваших принципов; я только вывожу то, что из них следует. И вы сами шаг за шагом делаете этот вывод. Вы логически правильно думаете, и этого мне достаточно. Итак: человек есть материя, он происходит из ничего и возвращается к ничему. У него есть только жизнь; только эта жизнь принадлежит ему. Весь его разум, весь его здравый смысл, вся его философия состоит в том, чтобы пользоваться этой жизнью и сделать так, чтобы она продолжалась как можно дольше. Единственная нравственность есть гигиена; цель жизни — счастье. Цель жизни — наслаждение ею; цель жизни — в том, чтобы жить. Из этого можно бы сделать много выводов, но я не хочу их делать теперь; я ограничусь только тем, что спрошу вас: неужели вы истинно так думаете? — Да, я истинно так думаю. — Так что, если молодой человек, здоровый, отдает свою жизнь для одного или для многих людей, равных ему, своих ближних, таких же атомов и такой же материи, как он сам, то как вы назовете такого человека? — Болваном. Мы холодно расстались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.